

Синьцзян на пороге Первой мировой войны в свете новых архивных документов

© 2020

И.В. Тункина, М.Д. Бухарин

Неустойчивое внешнеполитическое положение на Дальнем Востоке обуславливало необходимость объединения усилий МИДа и военного командования по проведению разведки на приграничных территориях Китая. Значительную роль в решении данной задачи играли российские консулы, в частности в Синьцзяне. Как показывает впервые публикуемый архивный документ из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (фонд академика С.Ф. Ольденбурга), российские дипломаты рассматривали возможность, при которой Синьцзян мог стать путем переброски войск на один из фронтов боевых действий. В конечном итоге опасения оказаться на территории боевых действий обусловили завершение работы II-ой Русской Туркестанской экспедиции.

Ключевые слова: Дальний Восток, внешняя политика, Синьцзян, Первая мировая война, С.Ф. Ольденбург, археологическая экспедиция.

DOI: 10.31857/S013128120008834-8

Политика Российской империи на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. в целом довольно подробно рассматривается в современной историографии. Как общие, так и относительно частные вопросы истории продвижения политических и экономических проектов России в регионе, столкновения интересов различных держав, военных инцидентов, в том числе как несанкционированных проникновений России и Китая на территорию друг друга, так и совместных операций двух держав против общего неприятеля¹, культурной экспансии, в том числе взаимосвязь всех этих аспектов, постоянно получают подробное освещение на страницах российской и зарубежной печати.

Российская внешняя политика на дальневосточном направлении в конце XIX — начале XX в. характеризовалась осторожностью, стремлением соблюсти баланс сил, оберегая при этом свои экономические и территориальные интересы. При этом успехи и территориальные приобретения Японии уже в войне 1894–1895 г., а затем и в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг., аннексия Кореи в 1910 г. заставляли Россию по-новому воспринимать Японию — как мощную силу, способную определять повестку дня не только военными операциями, но и дипломатическими возможностями². Стремление же поддерживать дружеские отношения с Китаем, основанные на взаимных уступках в начале XX в., видно в частности из позиции России, занятой при обсуждении Цицикарского протокола 1911 г.³.

Бухарин Михаил Дмитриевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, член-корреспондент РАН. E-mail: vdi@igh.ras.ru.

Тункина Ирина Владимировна, доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. E-mail: tunkina@yandex.ru.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Вторая Русская туркестанская экспедиция 1914–1915 гг. академика С.Ф. Ольденбурга. Неизданные материалы из архивов РАН», № 18–09–00213.

При этом отношения между Россией и Китаем, конечно, отягощались рядом проблем. После падения Цинской династии интенсифицировалась борьба соседних держав за преобладание в Монголии. Россия в этой борьбе оказалась сильнее⁴: по соглашению от 21 октября 1912 г. именно Россия гарантировала автономию Монголии, а 5 апреля 1914 г. Китай был вытеснен из Урянхайского края, и Тува оказалась под российским протекторатом. Клубок российско-китайских противоречий в Монголии оставался к началу Первой мировой войны неразрешенным⁵.

На рубеже 1910-х годов российская политическая элита высказывала совершенно определенные опасения в связи со столкновением экономических и политических интересов держав на Дальнем Востоке. 15 февраля 1910 г. депутат Государственной думы Н.В. Некрасов на заседании бюджетной комиссии произнес речь, в которой в частности сказал: «... и мы не можем предсказать, какую ответственную роль придется еще сыграть Сибири в том великом столкновении экономических и политических интересов, которое, несомненно, надвигается на нас с Востока»⁶.

Основное внимание историков Первой мировой войны приковано к западному направлению, в меньшей степени к кавказскому. Показательно в этом отношении следующее высказывание относительно места Дальнего Востока в исследованиях по истории Первой мировой: «Роль Китая в Первой мировой войне была забыта не только западными учеными, но и китайскими историками»⁷. Участие Китая в Первой мировой войне и в российской историографии считается «малоизученным вопросом»⁸. Тем не менее, основные пункты истории Китая в связи с началом мировой войны общеизвестны: Китай 6 августа 1914 г. объявил нейтралитет, не присоединившись ни к одной из противоборствующих группировок. Однако в дальнейшем страна оказалась втянута в конфликт мировых держав. Пока Китай вел переговоры о вступлении в войну на стороне Антанты, Япония, стремясь вытеснить британское влияние в Китае⁹, в ночь с 7 на 8 августа приняла решение о вступлении в войну, 15 августа предъявила ультиматум, 23 августа 1914 г. объявила войну Германии, а 2 сентября — напала на ее владения на территории Китая в провинции Шаньдун. В январе 1915 г. Япония выдвинула Китаю ультиматум — «21 требование». Китай не получил поддержки от США, Англии и Франции и, оказавшись перед сложным геополитическим выбором, 9 мая 1915 г. был вынужден признать с определенными оговорками претензии Японии, а затем и присоединиться к антигерманской коалиции: с января 1917 г. Китай отправлял в союзные державы, в том числе и в Россию¹⁰, рабочую силу, в марте 1917 г. Китай разорвал дипломатические отношения с Германией, а в августе 1917 г. под давлением Японии и США официально вступил в Первую мировую войну на стороне противников Германии.

Не будет, однако, излишним преувеличением сказать, что за фасадом этих масштабных событий немало обстоятельств, так или иначе влиявших на ход российско-китайских отношений, до сих пор оставалось «за кадром». В частности, положение дел в Синьцзяне в предвоенный период и в первые недели после начала Первой мировой войны едва ли можно считать совершенно выясненным и не нуждающимся в дальнейшем исследовании. Между тем, Синьцзян — важнейший регион в истории отношений России и Китая. Важность его объясняется не только наличием общей границы, но и иными обстоятельствами: Северо-Западный Китай граничил не только с Россией, но и с Монголией, и в случае неблагоприятного для России развития событий мог служить путем переброски войск в северном, западном и в северо-западном направлениях.

Важно отметить, что политические и военные столкновения, экономическая конкуренция не исчерпывали вариантов вражды между заинтересованными странами, развивавшейся, прежде всего, в Северо-Восточном Китае. Соперничество — в научной сфере — велось и в Северо-Западном Китае. Так, Россия и Германия не сумели договориться о сферах раздела областей для проведения археологических раскопок. Идеалистические планы организации совместных экспедиций и исследования древних и средневековых

памятников Синьцзяна в реальности уступили место погоне за артефактами. Российские археологи обвиняли коллег из Германии в нарушении ранее достигнутых договоренностей, вторжении на территорию, зарезервированную для российских исследователей и ведении раскопок не столько с научной целью, сколько с целью заполнения наиболее броскими экспонатами музейных залов в Берлине. Германские коллеги упирали на то, что, если та или иная договоренность и была нарушена, то только по причине неясных устных формулировок и их неоднократного пересмотра и того, что российская сторона и сама виновата в подобного рода провокациях¹¹.

Российско-германское соперничество в научной сфере развивалось на фоне конкуренции в этой же области и между другими странами. Так, английские исследователи, в частности Е.Д. Росс и М.А. Стейн (последний внес значительный вклад в развитие археологического исследования Северо-Западного Китая и справедливо считается одним из основателей дунхуановедения), как следует из частной переписки между ними, считали территорию, на которой им приходилось работать, «своей», и проезд через нее японских исследователей, в частности Тачибаны Цуичо — молодого коллеги и спутника графа Отани — вызывал у них ярко выраженное раздражение¹².

В связи с постоянным наличием угроз перерастания локальных российско-китайских столкновений в полномасштабные, возможным развитием конфликтов не только с Китаем, но и с другими державами на китайской территории, вовсе не праздными выглядят усилия российских консулов и сотрудников российских консульств по доскональному изучению географии, демографии Китая — значительные области соседней державы представляли для российских дипломатов и военных *terra incognita*, а постоянные стычки в приграничных районах подталкивали их на сбор информации об армейских подразделениях, расквартированных в подотчетных им регионах. Так, в связи с обострением ситуации в Тарбагатайском крае в июле 1900 г. чугучакский консул С.В. Соков снабжал МИД соответствующей информацией, в которую входили данные о количестве войск, вооружении и местах их расположения. При этом, по данным российский дипломатов, военные приготовления проводились китайскими властями не только в чугучакском, но и в алтайском округе. Параллельно же с российскими дипломатами сведения о китайской армии в приграничных районах собирали и японские разведчики. В связи с неблагоприятным развитием событий в 1900 г. российский воинский контингент даже был переведен из Ташкента в Хоргос для возможной переброски в Кульджу¹³.

Характерным примером в данном отношении — помощи сотрудников российских консульств в Китае российским дипломатам и военным — является «Отчет по объезду округа консульства в Кашгаре, совершенного секретарем консульства» (1902–1906) М.И. Лаврова. На момент совершения «объезда» Лавров — секретарь Генерального консульства России в Кашгаре.

Путешествие М.И. Лаврова началось и закончилось в Кашгаре. Он отправился в путь 21 декабря 1904 г., а завершил путешествие 14 апреля 1905 г., пройдя 2886 верст (3088 км) за 84 дня. Как указывает сам Лавров, на некоторых участках пути (от переправы в Татране через Черчен-дарью до Кечика) он был первым европейцем¹⁴. В российских архивных хранилищах имеются и другие аналогичные документы, до сих пор не введенные в научный оборот¹⁵.

Деятельность российских консулов по детальному обследованию территории в Северо-Западном Китае не была изолирована географически, аналогичная деятельность развивалась и в других регионах — Монголии и Маньчжурии, особенно в тех местах, где отмечалась активность японской и китайской разведок. И именно поражение в Русско-японской войне во многом послужило важнейшим стимулом для развития подобной активности. Показательно, что японская разведка вела свою деятельность, прикрывая собственных агентов организацией различных научных экспедиций или миссионерских по-

сольств — профессионального разведчика легко вычисляли по военной выправке и манере поведения¹⁶.

Набор методов для прикрытия разведки местности был весьма узок, и в распоряжении российской стороны оставались приблизительно те же методы. Организация экспедиций на Дальнем Востоке, как следует на примере обеих экспедиций академика С.Ф. Ольденбурга 1909–1910 и 1914–1915 гг., наталкивалась на значительное количество трудностей — финансовых, логистических, и естественно было поручить эту деятельность кому-либо из консульских сотрудников. В качестве таковых привлекались и М.И. Лавров и другие лица.

Таким образом, положение в Синьцзяне накануне Первой мировой войны отражало общее состояние дел на Дальнем Востоке: при относительной уравниловке ситуации противоречия между Россией, Китаем и Японией окончательно урегулированы не были, постоянные локальные стычки и масштабные войны, которыми была наполнена история отношений соседних дальневосточных держав до 1914 г., диктовали необходимость принимать во внимание любое развитие ситуации вплоть до самого неблагоприятного. Для этого руководителям МИД и военного ведомства требовалась вся полнота информации о территории, на которой могли быть или были расквартированы воинские контингенты соседней страны, и через которую они же или российские части могли быть оперативно переброшены на предполагаемый или реальный театр военных действий.

В связи с этим особый интерес представляет документ, ранее не использовавшийся в исследованиях ни по истории внешней политики России на Дальнем Востоке, ни по истории науки. Он отложился в фонде академика С.Ф. Ольденбурга в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в деле «Разрозненные части отчетов и трудов участников Русско-Туркестанских экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг.»¹⁷. Начало, а соответственно, и название, а также завершение документа утрачены. Условно его можно было бы назвать «Военно-политическое значение и географическое описание Китайского Туркестана», во всяком случае, именно в этом заключается его суть.

Летом 1914 г. академик С.Ф. Ольденбург начинал Вторую Русскую Туркестанскую экспедицию, основная цель которой заключалась в исследовании пещерно-храмового комплекса Чан-фо-дун близ Дунь-хуана в провинции Ганьсу. Работа Ольденбурга и его коллег развивалась исключительно плодотворно, однако неопределенность на политических фронтах и фронтах боевых действий обусловили преждевременное сворачивание работ в конце января 1915 г. Политика определяла развитие науки о Востоке, и в случае с экспедицией академика Ольденбурга влияние политики было негативным. Тем не менее, публикуемый ниже документ сохранился именно в его фонде.

Содержание документа позволяет предположить, что характеристика обстановки потребовалась при оценке возможности переброски российских войск в Северо-Западный Китай из Туркестанского военного округа. Как следует из начальной части текста, его составление диктовалось неназванными событиями 1907–1908 гг. Источником сведений явился командующий кавалерийскими частями, т.е. источник вполне заслуживал доверия.

Описание начинается с упоминания тех армейских частей, которые прошли через Хами в Или (Кульджу). Затем автор суммирует данные об аналогичных сведениях, т.е. о контингентах, прошедших в Гучен, Баркул и Хами, причем добыты эти сведения были с 17 по 29 июля и в августе неуказанного года. Из дальнейшего следует, что автор совершил разведывательное путешествие из Урумчи в Хами через Гучен и Баркуль, и подробному описанию данной территории посвящен данный документ. Описывается ландшафт, остановочные пункты, наличие ресурсов продовольствия (в том числе и для лошадей) и воды, указываются цены на продукты и время перехода от одной остановки до другой, характеризуется этнический состав населения.

Документ отпечатан на машинке, текст имеет рукописную правку и вставки неустановленного лица, видимо, автора записки. Рукописная правка и указание на начальный пункт миссии — Урумчи — позволяют предположить, что автором данного текста был Алексей Алексеевич Дьяков (1876—?) — драгоман, секретарь и консула российских консульств в Кульдже (1902–1912) и Урумчи (1912–1917).

Предположение о том, что данный документ составлен А.А. Дьяковым тем более основательно, что именно в нем С.Ф. Ольденбург состоял в довольно активной переписке. Первое письмо датировано 29 июня 1914 г., а 21 июля 1914 г. Дьяков получил из Пекина телеграмму: из нее он узнал о том, что Германия объявила России войну. Тема войны поднималась и во всех следующих письмах вплоть до 14 февраля 1915 г., когда Дьяков узнал о завершении работ экспедиции¹⁸.

Письма Дьякова Ольденбургу интересны тем, что они дают наглядное представление об атмосфере, в которой развивалась работа Второй Русской Туркестанской экспедиции. Разразилась Первая мировая война, и российское общество в начальный ее период жило надеждами на скорейший разгром противников, и письма Дьякова сначала также полны энтузиазма. Затем их тональность меняется на более осторожную.

«Дневник поездки в Дун-хуан» Самуила Мартыновича Дудина — спутника академика С.Ф. Ольденбурга по Первой и Второй Русской Туркестанской экспедиции — также дает возможность предположить, что консул Дьяков был тесно связан с Ольденбургом и его отчет вполне мог отложиться в фонде. Так, судя по записям от 2 июля 1914 г. члены экспедиции получили приглашение от консула прибыть к нему в гости. 3 июля консул встретил Ольденбурга и его спутников с конвоем казаков. 3–6 июля экспедиция провела в гостях у консула¹⁹.

Можно предположить, что урумчийский консул Дьяков получил не только сообщение о начале войны, но и просьбу провести рекогносцировку местности во вверенном ему консульском округе. Соответственно, датировать данный документ предположительно можно второй половиной июля 1914 г.

Датировка документа 1909 г. — годом начала работ I Русской Туркестанской экспедиции, может быть исключена, так как текст упоминает «китайцев из партии «гэ-мин-дан», а учрежден Гоминьдан был тремя годами позднее — 25 августа 1912 г.

***

<Военно-политическое значение и географическое описание Китайского Туркестана>²⁰

[...] китайских войск в 1907 и 1908 годах, то вот точные данные, сообщенные лично мне в беседе — хамийским «ду-сы», командиром (шоу-бэй) кавалерии, г. Ванчжан-хуа.

Во-первых, через Хами прошла в Или первая в минувшем году партия луцзюньских солдат — в 700 человек, вторая партия — в 800 человек, третья партия в 1 200 человек, четвертая партия — в 800 человек и пятая в 500 человек, а всего 4 000 человек. Конечно, каждая такая группа — вся за один раз — без значительнейшего транспорта, пройти не может — по причинам, изложенным ниже. Отряд в 1 200 человек жил в Хами 4 месяца. Это должно быть — рекрута, приведенные майором Кунь-фу-таном и прибывшие в Урумчи. Вышеозначенный Ванчжан-хуа передал также, что в 35 году правления Гуань-суй придут в Хами на расквартирование 3 000 луцзюньских солдат из внутреннего Китая.

Сведения о китайских войсках: 1) в г. Гучен добыты мной в начале июля сего года; 2) в Баркуль — добыты за время с 17 по 21 июля сего года; 3) в г. Хами — за время с 24 по 29 июля сего года.

Переходя теперь к обзору местности, по которой я проехал из Урумчи через Гучен, Баркуль в Хами, ее можно подразделить на три части, — разные по степени населенности и свойству почвы. Во-первых, от Урумчи до станции Му-ли-хэ, это местность сравнительно населенная густо и орошаемая водой из арыков. Во-вторых, от Му-

ли-хэ до Баркуля, собственно до урочища Кацзы (что в 15 верстах от Баркуля), — безжизненная степь «гоби». И в-третьих, от Баркуля до Хами сперва земледельческая полоса, затем предгорье, северная сторона Тянь-Шаньского хребта, покрытая елью и лиственницей, и отчасти березой, потом дорога идет через перевал Кошеты-дабан. Подъем наверх перевала облегчен устройством 22 откосов, огороженных перилами, или, иначе говоря, дорога идет зигзагообразно. От верхней точки перевала до пикета Нань-Шань-Коу — сплошной спуск. Дорога хотя и колесная, но убийственная по обилию камней, вдобавок еле текущая небольшая — в то время — горная речка размывает дорогу. Но пушки по этой дороге провезти можно. От верхней точки дабана до пикета Наньшанькоу я положил, по времени езды, 15–18 верст. От Наньшанькоу до Хами около 60 верст. Это видно из того, что мы ехали до Хами 6 часов, выехав из Наньшанькоу в час ночи и приехав в Хами в 7 часов утра, а ехали слишком быстро на выставленных Цинь-ваном свежих лошадей. В Хами оказалась резкая перемена: от Баркуля дорогой через перевал было прохладно, а в Хами весьма жарко.

На карте от г. Фоукана до г. Гучена отмечено семь речек, но на самом деле их не видать, ибо вся вода из речек отведена в арыки, коих весьма много. Так, за один час, дорогой из селения Саньтай в г. Цзимисар мы переехали 26 арыков. Почва на земледельческих участках — суглинок и лессовая, чернозема нет. Уезды Цзимисарский и Тученский богаты, пашень («ху-цзяр») много. В Цзимисарском уезде, как передали мне Тин-Гуань г. Вэй, около 20 000 жителей, а в стенах города — около 2 000 человек. Фоуканский уезд не так богат: в нем только 800 «ху» (то есть земледельческих участков), тогда как в Гученском уезде 3 600 «ху». От Гучена в селение Читэй сначала идет gobi и только около Читэй находятся пашни, хотя в этом пункте воды немного. Далее от Читэй в селение Мулихэ дорога идет сперва по каменистому грунту, в 15 верстах от Читэй есть деревушка под названием «Си-цзырь» и небольшие пашни, затем — опять gobi, на середине пути — оазис и деревушка Дунь-чен-коу (где есть два колодца), затем — опять дорога пролегает по каменистому грунту и по ложбине между сопок, на коих китайцами посеяны маки и пшеница. В Мулихэ протекает вторая попавшаяся на пути речка (первая — вытекает из урочища «Арасан», что в 7 верстах от Урумчи и течет около дороги отсюда в селение Гумиди).

Выше было упомянуто, что от Мулихэ почти вплоть до Баркуля — безжизненная степь. Но здесь нужно оговориться, что среди таковой пустыни попадаются все-таки урочища, где проезжие могут остановиться, ибо имеются дьянь (постоялый двор) и вода. Так на первой станции от Мулихэ — к Баркулю, в селении Сань-гэ-цюань-цзы есть три колодца, но воды в них мало: ее не хватит на 100 человек с лошадьми, если все сразу будут пить. На следующей станции Да-шитоу (в переводе — большой камень) протекает ручей солоноватой воды. От Да-шитоу вплоть до станции Цзи-цзи-тай (в переводе — высокий чий (травы)) нет пресной воды, а переход около 70 верст, нет отмеченных на карте (масштаб 40 верст в дюйме) фанз, вроде Сяо-шитоу, Са-пичоцза, фанзы теперь покинуты и в них никто не живет; дорога идет крючками; в Цзицзитае есть ключ пресной воды. Далее в 15–20 верстах от Цзицзитае, в урочище Шагоу-цзынь (в переводе — колодец в песчаном ущелье) выкопан для поила верблюдов большой колодец с отличной водой, которая, оказывается, находится тут весьма близко от поверхности. На следующих станциях У-ту-шуй, Ла-ба-цюань и Ку-гэй-цюань имеются только дьянь и фанза для китайца, возящего почву. В селениях же Да-шитоу и Сань-гэ-цюань-цзы имеются два дьяня и, как сказано выше, по пикету в каждом.

В Баркуле воды пресной много, получается из колодцев. На первой станции от Баркуля в Хами, — именно Кой-су, воду берут из колодца, а далее по дороге к станции в урочище Сунь-шу-тан (в переводе — сосновый лес) попадают много горных ручьев, текущих с северного склона Тянь-Шаня от тающего снега.

В г. Хами протекает речка и воды достаточно.

Южной дорогой от Хами к Турфану встречаются, во-первых, два оазиса: это Сумкарга и Сань-дао-линцзы, где есть кишлаки (селения) и пашни, орошаемые водой из арыков, и, во-вторых, урочище Ляо-дунь, где пашень нет, а есть фанцзы. А далее вплоть до селения Чиктым безжизненная каменная, а около Чиктыма — песчаная пустыня, хотя конечно имеются на больших расстояниях постоянные дворы (дяни). Колодезная вода есть во всех дянях от урочища Ляо-дунь до Чиктыма; в последнем из под китайского инпанчика, расположенного в стенах древней калмыцкой крепостцы, вытекает обильный ключ превосходнейшей воды. Между прочим в урочище О-тун-оцзы колодца нет, а есть ключ вонючей воды; путешественникам и кому придется — не рекомендуется пить эту воду, под опасением печального исхода, что со мной едва не случилось. В селе Чиктым начинаются знаменитые «карызы». Чиктымские пашни орошаются водами из 10 карызов, пичанские — из 16 карызов и одной речки; в селении Лямджин всего 25 карызов и две речки; в селении Астына (по китайски: Сан-пу) 45 карызов и одна речка; в г. Турфан вода идет из 450 карызов и двух речек. «Карыз» — это система колодцев, внизу сообщающихся между собой узким каналом. Колодец при выходе воды на долину имеет глубину 2–3 аршина, тогда как последний колодец, который выкапывается возле гор, глубиной от 15 до 30 сажень. Вода течет в подземном канале (арык) снизу вверх, что объясняется напором подземных ключей.

Что касается фуража и сена, то от Урумчи до Гучена можно всегда достать пшеницу, отчасти ячмень и всегда горох («бурчак») и клевер («му-суй»). Эти же продукты имеются для продажи и в селениях Читэй и Мулихэ. Но от последнего до г. Баркуля летом пшеницы нет, а зимой изредка привозят ее на станции до Баркуля из Мулихэ, горох же всегда можно найти по этим станциям, клевера нет, а есть горная трава вроде моха и осока.

В г. Баркуль можно достать пшеницу, а ячменя весьма мало. В этом году едва ли можно будет покупать там в достаточном количестве последние продукты, ибо половина земледельческих участков в баркульском приставстве была поражена саранчой, что встречается довольно часто. В Баркуле имеется много камыша, на громадном пространстве растущего по восточную сторону Баркульского озера, а клевера нет. На станциях же от Баркуля до Хами: Койсу, Сунь-шутташ и Нань-шань-коу путешественники могут приобретать для своих лошадей только горох и камыш. В городе Хами для лошадей можно всегда достать в изобилии горох, имеется пшеница, ячменя нет, а лошадей кормят камышом.

От г. Хами по южной дороге до г. Пичана ячмень и пшеница встречаются только на первых станциях: Сумкарга, Сань-дао-линцзы и Ляодунь, а далее все горох, клевера нет, а имеется солома. В г. Пичан для корма лошадей имеется пшеница, горох, гаолян и солома; в селении Астына можно всегда достать для лошадей пшеницу, ячмень и сено; в г. Турфан также можно всегда найти пшеницу, ячмень, горох, гаолян, клевер и солому.

Расценку фуража для корма лошадей в разных пунктах пройденной мной местности за июнь и август сего года имею честь представить в прилагаемой у сего таблице²¹.

В городах Гучен, Хами и Турфан имеются телеграфные станции, а телеграфа от Гучена до Баркуля и от последнего до Хами нет.

Преобладающим элементом населения на северной дороге: от г. Урумчи до г. Хами являются китайцы, преданные своему Богдохану; китайцев из партии «гэ-мин-дан» (революционеры) дорогой не встречал. В июле месяце встретил по дороге из Урумчи до станции Да-шитоу (что за Гученом) около 150 китайцев, идущих по одиночке, попарно и не более как вчетвером — из внутреннего Китая в «Шен-Чен» (то есть губернский город: Урумчи — тоже) на заработки. Со всеми разговаривал, то есть спрашивал, откуда, куда и зачем идут, — получал вежливые ответы. Только на тракте от селения Чиктым до станции Цигэ-цзынь, в горах, получил от встретившихся китайцев, едущих в сопровождении

солдата, должно быть в Хами, — на мой вопрос: «вы куда и зачем едете?» таковой ответ: «ступайте вы своей дорогой, — а мы своей, вам какое дело, куда мы едем».

Дунган немного; сарты есть в Гучене.

В г. Хами много китайцев и дунган, а более всего сартов («кумулджык»), подчиненных Цинь-вану.

Далее от Хами на южной дороге в таких пунктах, как Турфан, Астына, Лямчин и Пичань преобладающее население сарты — турфаньки.

В городах Фоукане, Цзимисаре, Гучене, Баркуле, Хами, Пичане и Турфане есть китайские базары. Причем торговля процветает: в Гучене, Хами и Турфане. В частности в Гучене имеются лавки урумчинских русских торговцев и проживающих там русскоподанных, коих всего в Гученском уезде около 100 душ. В г. Хами имеются две лавки урумчинских наших торговцев в г. Турфане в августе месяце сего года я встретил около 20 русскоподанных, там имеется русский торговый старшина (аксакал).

Кочевников на пройденном пути не встречал. В указанных городах иностранцев или японцев нет.

Что касается самой вообще дороги, то от г. Урумчи до Хами дорога отличная — для проезда на телеге; арыки, попадающиеся на пути, не глубоки и через них арбы отлично могут проходить. От Хами также до Турфана превосходно можно проехать на телеге, и от последнего — также до Урумчи, только в конце пути нужно будет ехать не через Даванчин-дабань, а южнее его вдоль речки Баян-хэ.

В заключение считаю долгом отметить, что пути: от г. Хами до Пичана в данное время представляют в стратегическом отношении для [...]

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182. Л. 83–91. Машинопись с рукописной правкой.

1. Например: *Киселев Д.* «Шитоулинское дело»: действия русских войск в Маньчжурии в период до 1900 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 2. С. 144–153.
2. См., например: *Мясников В.С.* Третья дальневосточная война 1894–1895 гг. и эволюция политики России в регионе // *Мясников В.С.* Кастальский ключ китаеведа. Том 7. Китайская рапсодия. М., 2014. С. 82, 86.
3. См. подробнее: *Мясников В.С.* Цицикарский протокол 1911 г. // *Мясников В.С.* Кастальский ключ китаеведа. Том 3. Договорными статьями утвердили. Россия и Китай: 400 лет межгосударственных отношений. М., 2014. С. 327–342.
4. О центральном событии — Кобдинском сражении — см.: *Арчимаева Р.М.* Кобдинское сражение в Монголии (1912) // Сибирь в войнах начала XX века. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 3–6 декабря 2013 г. Красноярск, 2014. С. 39–41.
5. *Синиченко В.В., Изаксон Р.А.* Монгольский вопрос в годы Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Иркутской области) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 134.
6. Цит. по: Речи сибирских депутатов в Государственной думе // Сибирские вопросы: периодический сборник. 1910. № 22–23. С. 89–90.
7. “China’s role in the First World War was forgotten not only by the Western scholars but also by the Chinese historians” (*Alexeeva O.V.* Forgotten Ally: China in the First World War // Representing World War I. Perspectives at Centenary / Ed. D. Hambly, L. Salem-Wiseman. Toronto, 2015. P. 44).
8. *Смертин Ю.Г.* Китай в Первой мировой войне: поиски национальной и интернациональной идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6. Ч. 1. С. 173.
9. *Тихвинский С.Л.* Избранные произведения. Книга вторая. История Китая первой четверти XX века. Доктор Сунь Ятсен. Свержение маньчжурской монархии и борьба за республику. М., 2006. С. 160.
10. См.: *Дацышен В.Г.* Китайский труд на Урале в годы Первой мировой войны // Уральское востоковедение. 2007. Вып. 2. С. 49–58. В статье на конкретных примерах показывается, что исполь-

зование труда китайских рабочих в России имело более глубокую историю и восходит к 1870-м годам, однако именно Первая мировая война значительно интенсифицировала китайскую иммиграцию в Россию и придала ей практически официальный характер.

11. См. подробнее: *Bukharin M.D. The Maitres of Archaeology in Eastern Turkestan: Divide et Impera // Masters and Natives. Digging the Others' Past (Welten Süd- und Zentralasiens / Worlds of South and Inner Asia / Mondes de l'Asie du Sud et de l'Asie Centrale. 123). Berlin: De Gruyter, 2019. P. 85–102.*
12. *Galambos I., Kōichi K. Japanese Exploration of Central Asia: The Ōtani Expeditions and their British Connections // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 2012. Vol. 75. P. 116.*
13. *Галиев В.В. Особенности охраны российских консульств в Синьцзяне в начале XX века // Молодой ученый. 2010. № 5 (16). С. 93–95.*
14. Отчет по объезду округа консульства в Кашгаре, совершенного секретарем консульства Михаилом Ивановичем Лавровым (1902–1906) / изд. подг. М.Д. Бухарин // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в начале XIX — первой трети XX вв. Том. 2: Географические, археологические и исторические исследования (Архивы Российской академии наук и Национальной академии наук Кыргызской республики). М.: «Памятники исторической мысли», 2018. С. 39–205.
15. Строковский 1911 — *Строковский В.А.* Описание прямого пути от Монаса до г. Зайсана, пройденного в августе 1911 г. врачом при консульстве в Урумчи В.А. Строковским // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 14.
16. *Кузьмин Ю.В.* Иркутские архивные материалы о деятельности японской разведки в Монголии и Маньчжурии в начале XX в. // Сибирь в войнах начала XX века. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 3–6 декабря 2013 г. Красноярск, 2014. С. 29.
17. СПБФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182.
18. Публикацию писем А.А. Дьякова к С.Ф. Ольденбургу см.: *Бухарин М.Д.* Письма А.А. Дьякова к С.Ф. Ольденбургу из собрания СПФ АРАН // Вестник истории, литературы, искусства. 2013. № 9. С. 440–448; *Бухарин М.Д.* Письма А.А. Дьякова С.Ф. Ольденбургу // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX в. Том. 1: Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и «Турфанского собрания». М.: «Памятники исторической мысли», 2018. С. 593–599.
19. СПБФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 183. Л. 6–7.
20. Начало и конец документа отсутствуют. Пагинация машинописи, проставленная от руки неустановленным лицом, начинается 16 листом и заканчивается 24 листом.
21. Абзац отчеркнут на полях, таблицы в приложении нет.

I. Tunkina, M. Bukharin. Xinjiang on the Threshold of World War I in the Light of New Archival Documents

The volatile situation in the Far East had necessitated joint efforts between the Ministry of Foreign Affairs and the military command to conduct intelligence in China's border territories. Russian consuls, in particular in Xinjiang, played significant role in this process. According to a new archival documents from the St. Petersburg branch of the Archive of Russian Academy of Sciences (Fond of S.F. Oldenburg), Russian diplomats were considering the possibility that Xinjiang could become a way of moving troops to one of the combat fronts. In the end, fears of ending up in the territory of the fighting led to the end of works of the Second Russian Turkestan expedition.

Key words: the Far East, foreign policy, Xinjiang, World War I, S.F. Oldenburg, archaeological expedition.